

An illustration of a young girl with brown hair in a bun, wearing a white long-sleeved shirt with a red bow at the neck and a blue dress with a brown belt. She stands in a room with teal walls, a wooden door to the left, and a lamp on a table to the right. The lamp has a warm glow. There are framed pictures on the wall, including one of a man's face.

Елена Расс

«Суженый-ряженный с того света, плюс собака»

18+

Елена Расс
**«Суженый-ряженный с
того света, плюс собака»**

<https://litres.ru/74013683>

SelfPub; 2026

Аннотация

Младший научный сотрудник Авдотья Жукова привыкла к бедности, вечно пьяному слесарю и хитону вместо джинсов. Но когда в её дверь стучится участковый Угрюмов с новостью о трупе в костюме бабочки, её левая пятка начинает чесаться не на шутку. А труп, как назло, оказывается её суженым с того света. С носками «Сделано в Нави» и навязчивой идеей жениться.

К довершению всего на героиню вешают говорящего пса-телепата Обьедка, жених повадился варить варенье по ночам, а в городе завёлся Король Теней с комплексами. Он хочет заморозить Авдотью, как лягушку, и поставить в банку для коллекции. Остаётся одно: сыграть свадьбу с мертвецом, отбить атаки участкового и не дать собаке съесть все тапки.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Расс

«Суженый-ряженный с того света, плюс собака»

Глава

ЧАСТЬ 1. ХРЮШКИ В ПАДЕНИИ, ИЛИ ГДЕ МОИ
КЛЕЙМЕРЫ?

Глава 1. Утро в хитоне, или Не лопни, моя печень

Если вам кажется, что хуже звонка будильника в понедельник ничего быть не может — вы просто никогда не просыпались от того, что соседка сверху полирует пол козким жиром с наждачной бумагой.

Я, Авдотья Петровна Жукова, младший научный сотрудник кафедры этнографии (читай: нищая, но гордая), открыла один глаз и сразу пожалела об этом. Потолок моей съемной однушки ходил ходуном, с него сыпалась штукатурка, а в воздухе витал аромат, который я бы описала как «козел в

сауне после марафона».

— Нюра-Шура! — заорала я, нашаривая тапок. — Ты что там, козла решила замариновать?

Сверху донеслось жизнерадостное:

— А то! Нефиг по ночам бляеть под моими окнами! Я ему филе отполирую, он у меня запляшет!

Моя тетушка Нюра-Шура, бывшая циркачка, ныне профессиональная приживалка и телохранительница по совместительству, имела три таланта: полировать полы любимым жиром, попадать кочергой в муху с тридцати метров и пить настойку боярышника так, будто это коллекционное шабли.

Я сползла с кровати. На мне был хитон — нет, не потому что я такая эстетка, а потому что стиральная машина сломалась в прошлый вторник, а все джинсы отправились в лучший мир еще в позапрошлую пятницу. Хитон был грязно-бежевым, с дыркой на левом боку и подозрительным пятном, которое я идентифицировала как вчерашний борщ.

— Господи, дай мне сил, — прошептала я, подходя к зеркалу.

Из зеркала на меня смотрело существо женского пола с прической «я вчера забыла выключить фен и уснула лицом в подушку». Глаза красные, на щеке отпечаток молнии от пододеяльника, а на голове торчит какой-то одуванчик. Откуда в квартире одуванчик? Я живу на пятом этаже!

— Ты бы причесалась, — жизнерадостно сообщило зеркало. (Да, у меня говорящее зеркало. Да, оно досталось мне в наследство от бабки-колдуньи. Да, оно еще и сплетничает со шкафом.)

— Заткнись, Отражало, — буркнула я. — И скажи, где мои заколки.

— Твоя собака их съела. Вчера. Прямо на моих глазах. Искала блох, а нашла твою любимую «крабик».

Собака. Точно.

Я обернулась. На моей подушке, свернувшись калачиком, лежал Обьедок. Полное имя — Оби Ван Канобби, но поскольку я не звездный десантник, а просто уставшая женщина, то зову его так, как он заслуживает. Обьедок был породы «помойный телепат» — редкая разновидность дворняг, которые умеют читать мысли, но предпочитают этого не делать, потому что человеческие мысли, как говорит Обьедок,

«воняют глупостью и недооформленными желаниями съесть колбасу».

Объедок открыл один глаз, лениво зевнул, и у меня в голове раздалось:

«Доброе утро, Хозяйка Страданий. Ты сегодня похожа на чучело жабы в период линьки. Кстати, у тебя в холодильнике плесень вырастила плесень. Я бы сказал, это трогательно».

— Я тебя не кормила вчера? — спросила я, натягивая хитон пониже. Все равно приличной одежды нет, а у соседа снизу дедуля Петрович подслеповат — не увидит.

«Кормила. Дважды. Но я считаю, что это был не кормеж, а издевательство. Гречка? Seriously? У тебя в морозилке лежат пельмени с прошлого года, а ты меня гречкой кормишь. Я не корова, Авдотья. Я пес-телепат. Мне нужен белок».

— Пельмени с прошлого года — это риск для жизни. Даже для моей, не то что для твоей собачьей.

«Ты просто жадная» — обиженно сообщил Объедок и отвернулся мордой к стене. Демонстративно. Боже, какая же это собака...

В этот момент сверху раздался оглушительный грохот, затем крик Нюры-Шуры: «Ах ты, козлинка паршивая!» — и звук падающего тела. Судя по тяжести — козьего.

Я вздохнула. Только семь утра. Хорошо, что у меня сегодня нет лекций. А плохо — что вообще есть этот день.

Я кое-как умылась холодной водой (горячую отключили еще вчера, и слесарь дядя Вася сказал, что «чинить будет после того, как выпьет, а пить он будет до послезавтра»), нашла в завалах чистую футболку с надписью «Я выжила после лекции по демонологии» и джинсы, на которых было всего две дырки — обе не на тех местах, но жить можно.

Объедок все еще демонстративно лежал носом в стену, но я чувствовала, как он подглядывает за мной через ментальную щелочку. Телепаты — они такие.

— Чего тебе дать на завтрак? — сдалась я.

«Вареную колбасу. Три куска. И сыр. И чтобы ты погладила меня по пузу, потому что я вчера тянул твою сумку из лужи, а ты даже спасибо не сказала».

— Спасибо.

«Словами сыт не будешь. Давай колбасу».

Я нарезала колбасу, положила на блюдечко, поставила на пол. Обьедок спустился с кровати с грацией мешка с картошкой, подошел к блюдцу, понюхал и поднял на меня глаза, полные собачьего страдания.

«Ты порезала ее поперек. Я люблю, когда вдоль. Ты меня не любишь».

— Обьедок, ради бога...

«Ты бы еще ножом по сердцу провела. Поперек! Кто так делает?»

Я села на корточки, погладила его по пузу. Он довольно заурчал, потом вздохнул:

«Ладно, прощаю. Но в следующий раз режь вдоль. И добавь майонеза».

— Собаки не едят майонез.

«А я ем. Я не собака, я личность».

Дверной звонок разорвал нашу идиллию. Точнее, он не зазвенел, а зарычал — у меня специальный магический звонок, который бабка-колдунья настроила так, чтобы он отпугивал незваных гостей. Работает через раз, но на этот раз сработал: дверь тряслась, и из косяка сыпалась штукатурка.

— Кого там принесло в такую рань? — проворчала я, подходя к двери.

«Это участковый», — лениво сообщил Обьедок, обливая блюдце. *«Тот, который нравится твоей левой пятке»*.

— Моей левой пятке никто не нравится, а тем более участковый Угрюмов.

«Она краснеет, когда он входит. Я вижу. Пятка телепатит».

— Собаки не должны так много знать о пятках. Это неприлично.

Я открыла дверь.

На пороге стоял капитан Сергей Угрюмов. Рост — чтоб я так жила. Плечи — чтоб мне так спать. Глаза — серые, как

зимнее небо, и смотрит он ими так, что хочется спросить: «Ты меня арестуешь или как? Потому что я не против».

На нем была форма, которая сидела так, будто ее шили по обмерам самого Господя Бога. Фуражку он держал в руке, и русые волосы были слегка взъерошены — видимо, бежал.

— Доброе утро, Авдотья Петровна, — сказал он низким голосом, от которого у меня почему-то зачесалась левая пятка. Черт бы побрал этого Обьедка.

— Доброе, Сергей... э-э-э... по батюшке не помню.

— Просто Сергей. — Он чуть улыбнулся. Одними глазами. — Можно войти?

«Скажи: только если по делу и с пирожками», — подсказал Обьедок, который уже терся о ногу Угрюмова, предатель такой.

— Только если по делу, — сказала я. — И с пирожками.

Угрюмов удивленно поднял бровь, потом достал из-за спины пакет.

— С мясом, — сказал он. — Ваша тетушка предупредила,

что вы голодная.

Я посмотрела на потолок. Нюра-Шура! Сдала меня с потрохами! Но пирожки пахли так, что у меня потекли слюни.

— Заходите, — великодушно разрешила я. — Только разуйтесь. Обьедок, отойди от гостя, ты же не санитар.

«А он пахнет страхом и кофе. Еще и пирожки принес. Жених», — заявил пес.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказала я Угрюмову. — Он телепат и считает, что все мужчины, приходящие с пирожками, должны на мне жениться.

— И часто к вам приходят мужчины с пирожками? — спросил Угрюмов, разуваясь и ставя ботинки на коврик, где Обьедок уже сидел и смотрел на них с таким видом, будто это самые вкусные ботинки в его жизни.

— Первый раз за три года. — Я махнула рукой в сторону кухни. — Проходите. Чай будете?

— Буду.

Мы зашли на кухню. Она у меня маленькая, вся в poste-

рах с рунами (я их вешала, чтобы казаться умной, но до сих пор половину значений не помню) и с вечно капающим крапом. На столе стоял вчерашний чайник, кружка с отколотой ручкой и горшок с кактусом, который, по словам Обьедка, «страдает депрессией, потому что никто его не поливает».

Угрюмов сел на табуретку, которая жалобно скрипнула. Я поставила чайник.

— Так что за дело? — спросила я, пытаюсь одновременно налить кипятка и не обжечься. Не получилось ни то, ни другое.

— В сквере имени Лесоповала нашли труп, — сказал Угрюмов, глядя, как я прыгаю на одной ноге, залитая кипятком. — Помочь?

— Не надо. Я профессиональная жертва быта. — Я засунула обожженный палец в рот. — И что за труп? Местный бомж Степаныч?

— Нет. Степаныч жив и, судя по запаху, пьет портвейн у второго подъезда. Труп — мужчина, тридцать пять-сорок лет, одет в... — Угрюмов замялся. — В костюме бабочки.

Я вынула палец изо рта.

— В смысле «в костюме бабочки»? Как на Хэллоуин? С крыльями?

— Именно. Крылья из парчи, усики из лески, и при этом — лабутены. Мужские. Сорок третий размер.

«Стриптизер-некромант», — авторитетно заявил Обьедок, залезая на стол. — *«Я таких в прошлой жизни видел. Они всегда плохо кончают. Буквально»*.

— Собака с вами говорит? — уточнил Угрюмов, глядя на пса с уважением и ужасом одновременно.

— Да, привыкайте. — Я села напротив. — И почему вы пришли ко мне? Я не патологоанатом, не следователь и даже не стриптизерша, чтобы опознавать коллег.

— Потому что при нем была записка. — Угрюмов достал из кармана пластиковый пакет. Внутри — клочок бумаги, исписанный каллиграфическим почерком. — И там написано: «Авдотье Жуковой от суженого с того света. Плюс собака».

Я медленно перевела взгляд с записки на участкового, с участкового на Обьедка, с Обьедка на пирожки, которые вдруг перестали казаться аппетитными.

— Это розыгрыш, — сказала я. — Нюра-Шура! Это ты? Я слышу, как ты хихикаешь!

Сверху донеслось: «Я не хихикаю, я козла щекочу!»

— Это не розыгрыш, — мрачно сказал Угрюмов. — Мужчина мертв. Совсем. И у него на пальце кольцо с вашей фамилией.

Я посмотрела на свою левую руку. Там, на безымянном пальце, которого у меня по факту не было никакого кольца, вдруг появилось что-то теплое и тяжелое. Я замерла.

Кольцо. Большое. Серебряное, с рунами, которые я изучала на кафедре, но никогда не видела вживую. Оно просто *материализовалось* у меня на пальце, пока я сидела на кухне и пила чай с непрошеным участковым.

— Авдотья Петровна? — Угрюмов побледнел. — У вас что, глаза светятся?

— Да нет, это отражение от чайника, — сказала я, хотя прекрасно видела в отражении ложки, что мои глаза горят фиолетовым светом. Бабка-колдунья меня предупреждала: «Внучка, не бери чужие кольца, даже если они сами прихо-

дят».

— Обьедок, — прошептала я. — Что происходит?

Пес посмотрел на меня своими умными глазами, и в голове раздалось:

«Поздравляю, Хозяйка. Ты теперь не просто младший научный сотрудник. Ты — невеста. Суженого, правда, убили. Но это поправимо. Трупы часто встают. Особенно если им вовремя не перекрыть кислород».

— Какой, к черту, труп?! — заорала я. — У меня нет жениха!

— Был, — сказал Угрюмов, глядя на мои светящиеся глаза. — Буквально до сегодняшней ночи. Хотите — поедем в морг? Он там лежит. И, кажется, дышит.

— Трупы не дышат, — возразила я.

— Этот — дышит, — сказал Угрюмов таким тоном, будто каждый день видел дышащих мертвецов в костюмах бабочек.

Я взяла пирожок, откусила огромный кусок, прожевала,

проглотила, посмотрела на кольцо, на Обьедка, на участкового и сказала:

— Едем. Но если он меня укусит или попытается венчать-ся — я вызываю экзорциста. И полицию. И вас заодно.

— Я и есть полиция, — напомнил Угрюмов.

— Тогда вызываю пожарных. Они хоть знают, что делать с огнетушителем против нежити.

Обьедок радостно взвизгнул, спрыгнул со стола и первым выбежал в коридор.

«Наконец-то нормальный четверг! А то ты, Авдотья, совсем скучной стала. Даже трупа у тебя не было. Стыдно».

Я надела кроссовки, поправила хитон (потому что джинсы все-таки были с дырками на неприличных местах), взяла с собой второй пирожок и вышла за Угрюмовым.

Сверху снова раздался грохот, и голос Нюры-Шуры прокричал:

— Авдотья! Если труп жениха встанет — забирай его на-совсем! А то я скоро замуж выхожу за этого козла, и тебе у

меня делать нечего!

Я решила, что комментарии излишни.

Глава первая закончилась. Впереди был морг, дышащий мертвец и самый странный четверг в моей жизни.

А по коридору бежала такса из соседней квартиры и кричала своим противным лаем: «Я тоже хочу на труп! Гав!»

Нет. Точно. Это все сон. Я сейчас проснусь, и козел Нюры-Шуры окажется просто пыльным мешком из-под картошки.

Пожалуйста. Пусть это будет мешок из-под картошки.

Но кольцо на пальце горело, как прожектор, и врать самой себе становилось все труднее.

Глава 2. Где моя семипроцентная броня?

Машина Угрюмова была старой «Нивой» с отваливающейся дверью и запахом, который я бы описала как «смесь бензина, овсянки и безнадеги».

— Участковым плохо платят? — спросила я, пристегиваясь ремнем, который держался на честном слове и одной

сопле.

— Не жалуясь, — соврал Угрюмов, заводил мотор с пятого раза. — Просто я бережливый.

«Он бедный, как церковная мышь, которая подрабатывает донором крови», — прокомментировал Обьедок, устраиваясь у меня на коленях. — *«Но харизма. Харизма у него есть. На троечку»*.

— Заткнись, — сказала я мысленно, но Обьедок только фыркнул:

«Твои мысли — открытая книга. С орфографическими ошибками. Ты думаешь: „Какой у него красивый затылок, и почему я в хитоне?“»

Я покраснела. Затылок у Угрюмова и правда был красивый — шея прямая, волосы чуть выются на концах, и даже воротник форменной рубашки сидит так, будто его гладили три ангела.

— Вы что-то сказали? — спросил Угрюмов, взглянув на меня в зеркало заднего вида.

— Нет. Просто кашлянула. — Я сделала страшные глаза

Объедку. — Собака моя перхотью подавилась.

«Я не перхотью, а достоинством», — обиделся пес, но я его проигнорировала.

Мы ехали через город, который назывался Уютногорск, хотя ничего уютного в нем не было. Вечные пробки, вечные ямы на дорогах, и фонари горят через один, потому что городской бюджет украл местный маг-экономист, который сейчас отбывает срок в особой зоне для магических преступников и оттуда же, говорят, продолжает воровать — через порталы.

— Расскажите подробнее про труп, — попросила я, чтобы отвлечься от мыслей о затылке Угрюмова.

— Мужчина. Лет тридцать пять. Красивый, как... ну, как модель с обложки журнала «Мужская магия». Брюнет. Глаза закрыты. — Угрюмов помолчал. — На лице выражение «я не ожидал, что умру именно так».

— А как он умер?

— Почки отказали. Обе. При этом он был абсолютно здоров за час до смерти. Соседи говорят, что к нему приходила женщина в черном плаще и с зонтиком, хотя дождя не было.

— Женщина с зонтиком в ясную погоду — это классика,
— заметила я. — Либо агент ЦРУ, либо наемная ведьма.

— Или его бывшая, — добавил Угрюмов. — У него было три бывших, и все — маги высокой категории. Одна — огневичка, вторая — водница, третья — вообще... — он запнулся.

— Кто?

— Некромантка. Она сейчас в командировке на Том Свете, но теоретически могла вернуться через портал.

«Женщины с того света — это вам не шутки», — влез Обьедок. — *«Они и мертвого достанут. Буквально. Я одну такую знал. Она своего бывшего из могилы выкопала, чтобы он ей алименты заплатил. За три года. С процентами»*.

— Спасибо, Обьедок, ты очень помогаешь, — сказала я вслух.

Угрюмов покосился на собаку.

— И все-таки, почему он ваш суженый? — спросил он.
— Вы его знали?

— Понятия не имею. Я вообще ни с кем не встречалась два года. После того, как мой бывший ушел к русалке. Да еще и к речной. Не к морской, а к речной! Это вообще дно!

— Речные русалки коварны, — согласился Угрюмов. — У них чешуя отваливается, и они это скрывают тоннами макияжа.

Я посмотрела на него с уважением. Участковый знает толк в русалках. Интересный человек.

Мы подъехали к зданию, которое я мысленно окрестила «Врата Ада, но с пандусом для инвалидов». Это был городской морг, вывеска на котором гласила: «ЗАЛ ВРЕМЕННЫХ РАДОСТЕЙ. Патологоанатом Иванов принимает строго по записи. Живых не беспокоить».

— Креативно, — прокомментировала я.

— Иванов — бывший рекламщик. — Угрюмов заглушил мотор. — Он даже гробы продает со скидкой «приведи друга».

Мы вышли из машины. Обьедок спрыгнул с моих рук и с деловым видом потрусил к входу, по пути обнюхав куст

сирени и сделав стойку.

«Здесь хоронили кошку. В прошлом году. С бантиком»,
— сообщил он.

— Я не буду это комментировать, — сказала я.

Внутри морг оказался удивительно уютным. Коридоры были выкрашены в пастельные тона, на стенах висели репродукции Шишкина (видимо, чтобы успокаивать родственников), и пахло не формалином, а ванилью и чем-то коричневым.

— Иванов экспериментирует с ароматизаторами, — пояснил Угрюмов, видя мое лицо. — Прошлый был «свежесть морского бриза», но родственники жаловались, что у них из глаз слезы льются, как от лука.

— Логично.

Нас встретил сам патологоанатом. Иван Иванович Иванов (да, родители не заморачивались) был маленьким кругленьким человечком в белом халате, с блестящей лысиной и такими добрыми глазами, что хотелось сразу рассказать ему все свои проблемы. Особенно связанные с трупами.

— А-а-а, капитан Угрюмов! — заулыбался Иванов. —

Привели невесту? Очень хорошо. А то наш клиент волнуется.

— Волнуется? — переспросила я. — Труп волнуется?

— Ну, он не совсем труп, — признался Иванов, понижая голос. — Он дышит, сердце бьется, рефлексы есть. Даже глазом моргнул, когда я рассказывал анекдот про бородатого мужика. Ну, вы знаете...

— Я не знаю, — отрезала я. — Где он?

— В третьей камере. Но предупреждаю: он раздет. Мы сняли костюм бабочки на экспертизу. А больше на нем ничего не было.

— То есть? — У меня зачесалась левая пятка. Опять.

— То есть он лежит в чем мать родила. Ну, и в носках. Носки мы не тронули, они с надписью «Сделано в Нави». Это такой магический мир, знаете?

— Я этнограф, — сухо сказала я. — Я знаю, что такое Навь.

— О! — Иванов оживился. — Тогда вы знаете, что суже-

ные оттуда — это серьезно. Если кольцо на вас перешло, то назад дороги нет. Только либо замуж, либо...

— Либо что?

— Либо вы умрете до конца недели. От тоски. Или от пятки. Там варианты разные.

Я посмотрела на свою левую пятку. Она не выглядела смертельно опасной. Обычная пятка, немного треснутая, но в целом — боевая.

— Ведите, — сказала я героическим тоном человека, который уже смирился с абсурдностью бытия.

Третья камера находилась в конце коридора. Дверь была металлической, с табличкой «Осторожно: клиент кусается».

— Он кусался? — спросила я.

— Нет, это от предыдущего. Тот был вампиром.

Иванов открыл дверь.

За ней была комната, больше похожая на гостиницу, чем на морг. Кровать с балдахином, торшер, ковер, на тумбочке

— ваза с фруктами. И на кровати, на белых простынях, лежал он.

Мужчина.

Красивый мужчина.

Очень красивый мужчина.

Я не знаю, как описала бы его я, младший научный сотрудник. Но если бы меня попросили нарисовать идеально-го мужчину, а потом добавить к нему «чуть-чуть мертвецкого шарма», получилось бы вот это. Темные волосы разметались по подушке. Лицо — точно вырезанное из мрамора, но теплого, живого мрамора. Губы чуть приоткрыты, ресницы черные и длинные — я бы такие убила за свою короткую и небогатую на косметику жизнь. И даже в носках с надписью «Сделано в Нави» он выглядел как принц из сказки, которую забыли дописать.

— Оч-чень красиво, — прошептала я.

«Да ладно? У него в ушах сера», — немедленно влез Обьедок. — *«Я чувю за три метра. И вообще — он мертвый. Ну, почти»*.

— Заткнись, Обьедок.

Мужчина открыл глаза.

Они были фиолетовыми. Такими же фиолетовыми, как мое сияние в отражении ложки. И он смотрел прямо на меня. И улыбался.

— Здравствуй, Авдотья, — сказал он голосом, от которого у меня не просто пятка зачесалась, а вообще все тело покрылось мурашками. — Я ждал тебя. Прости, что я в таком виде... но у меня украли штаны. И жизнь. Не обязательно в таком порядке.

Я открыла рот, чтобы ответить чем-нибудь остроумным, но Обьедок меня опередил:

«Скажи ему, что у тебя есть пирожок. Мужчины любят, когда их кормят. Особенно мертвые».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.